

Мин Хань находился в серверной Десятой школы — месте, которое трудно было назвать полноценной мониторной; скорее, это был забитый хламом закуток рядом с компьютерным классом. Учитель информатики лихорадочно пытался извлечь записи, которые затребовал Мин Хань, но то ли оборудование дало сбой, то ли была иная причина: видео за тот день, когда Лю Вэньжань получила подарок, отсутствовало как в самом 13-м классе, так и в коридоре.

— Это... кажется, были помехи, — смущенно пробормотал информатик после безуспешных манипуляций. — Записей нет.

— Можно ли восстановить их техническими средствами? Я вызову наших специалистов из отдела техобеспечения, — спросил Мин Хань.

Учитель явно чувствовал себя неловко:

— Восстановить можно только то, что было снято. В данном же случае кто-то заранее сделал так, чтобы запись вообще не велась.

— Значит, ничего не поделаешь, — кивнул Мин Хань и подбадривающе улыбнулся занервничавшему учителю. — Ладно, спасибо за помощь, мы попробуем другой путь. И всё же, скопируйте мне видео за время до и после этого провала.

Пока информатик выполнял просьбу, Мин Хань расспросил завуча о системе видеонаблюдения. Тот долго расхваливал их новейшую систему, но решительно отрицал любую возможность взлома, заняв удобную позицию: «Мы такие же жертвы, как и все».

Мин Хань решил поговорить с классным руководителем Лю Вэньжань, учителем Чжан. Та сейчас дежурила на самоподготовке, и пока Мин Хань ждал, он размышлял о вмешательстве в работу камер. Лю Вэньжань нашла подарок 28 октября. Тот, кто его подложил, не хотел светиться и вывел технику из строя. В этом прослеживалось сходство с подрывом Инь Гаоцяна: там убийца просто взорвал лапшичную, заматавая следы. В случае с Лю Вэньжань взорвать школу было нельзя, к тому же школьные записи обычно уходят в «облако».

После звонка учителя Чжан окружили ученики с вопросами. Она была не только классруком 13-го класса, но и учителем английского в параллели — человек очень занятой и любимый детьми. Ей удалось вырваться лишь спустя приличное время.

Но в коридоре её уже ждал полицейский. Увидев Мин Ханя, она непроизвольно опустила голову:

— Вы... за мной?

— Учитель Чжан, вы слишком напряжены. Расслабьтесь, ученики смотрят, — мягко сказал Мин Хань.

Она машинально оглянулась на класс: ребята с передних парт и впрямь всю глазели на них.

— Давайте поговорим в другом месте, — поспешно предложила она.

В учительской были коллеги, поэтому Чжан отвела Мин Ханя в пустующий кабинет для олимпиадников.

— Офицер Мин, что вы хотели спросить?

— Я слышал, вы первой заметили исчезновение Лю Вэньжань?

Чжан сжала телефон обеими руками:

— Да. В воскресенье, когда дети заезжают в общежитие, я провожу переключку.

— Вы очень ответственный педагог, — сказал Мин Хань, глядя ей в глаза.

Она замерла, наконец немного расслабилась, но в носу предательски защипало:

— Я недостаточно интересовалась их жизнью. У меня выпускной класс, я заиклена только на оценках. Если бы я была внимательнее к Лю Вэньжань, возможно, этого бы не случилось.

Мин Хань покачал головой:

— Я с большим уважением отношусь к учителям выпускных классов. Вы трудитесь тяжелее всех, не взваливайте на себя лишнюю вину.

Учительница, ожидавшая жесткого допроса, была тронута утешением полицейского и благодарно кивнула.

— Я пришел к вам, потому что до нас дошли слухи о Лю Вэньжань. Некоторые ученики говорят, что у неё были предосудительные связи с пожилыми мужчинами вне школы. Вы что-нибудь об этом слышали? — Мин Хань намеренно подбирал более мягкие выражения.

Но Чжан всё равно вздрогнула от испуга:

— Как это возможно? Она же школьница! Распускать такие грязные сплетни о девочке — это просто подло! Офицер Мин, кто это сказал?

Мин Хань не стал называть имя Ао Янь и спросил:

— Вы когда-нибудь видели родителей Лю Вэньжань?

Учительница вздохнула. Недавно в двенадцатом классе было родительское собрание — её первая встреча с папами и мамами 13-го класса. Перед этим она твердила детям: присутствие родителей обязательно. Но Лю Вэньжань пришла к ней с виноватым видом и сказала, что мама уехала в деревню ухаживать за больной бабушкой и никак не может вернуться. Учительница заглянула в личное дело: отца нет, а если мать далеко — что поделать.

— Я сказала ей, чтобы они с матерью пришли ко мне сразу, как та вернется, — рассказывала Чжан. — В двенадцатом классе каждое собрание на счету. Лю Вэньжань учится неплохо, я не хотела, чтобы она «сдулась» под моим началом. Но... мать так и не пришла. Только после исчезновения девочки, когда я связалась с ней, выяснилось, что никакой деревни и больной бабушки нет. Ей просто было лень приходить на собрание.

При упоминании Цао Вэньмэй голос учителя дрогнул от гнева:

— Я не пытаюсь выгородить школу, но уверена: в том, что случилось с Лю Вэньжань, во многом виновата её мать. Разве может мать быть настолько равнодушной к дочери?

Сама Чжан была молодой мамой, и холодность Цао Вэньмэй не укладывалась у неё в голове. Мин Хань выслушал её, но всё отчетливее понимал: она — абсолютный аутсайдер в жизни девочки. Через неё не удастся нащупать настоящую, живую Лю Вэньжань.

Нужно было искать тех, кто учил её в десятом и одиннадцатом классах.

— А что вы знаете о прежнем классном руководителе 13-го класса? — спросил Мин Хань.

— Цзян Лоцин. Учитель Цзян, математик. Мы, те, кто ведет выпускников, нечасто пересекаемся с учителями младших параллелей, но за те несколько месяцев, что я руковожу классом, я поняла: ребята его обожают. И математика у нашего класса идет лучше других предметов — это его заслуга.

У выпускников был отдельный учебный корпус, где витала атмосфера гнетущего напряжения — то ли от грядущих экзаменов, то ли от внезапного исчезновения ученицы. Мин Хань спустился вниз, пересек сад и направился к корпусу младших классов.

Цзян Лоцин, бывший наставник 13-го класса, сейчас вел десятиклассников. Он уже знал о случившемся. Едва Мин Хань появился, учитель произнес:

— Мне следовало самому найти вас раньше, просто я никак не мог решиться.

Мин Хань был слегка удивлен, в его взгляде появилось больше подозрительности.

Цзян Лоцин носил тонкие очки с небольшими диоптриями; черты лица у него были мягкие, виски аккуратно подбриты — прическа модная, но в рамках приличия, подходящих учителю. Глядя на него, Мин Хань сразу понял, почему дети так его любят.

Они вышли на балкон рядом с учительской. Цзян закрыл за собой стеклянную дверь: коллеги видели их, но не могли слышать разговор.

С балкона открывался отличный вид на спортивную площадку. Там десятиклассники, еще не познавшие гнета выпускного года, гоняли мяч под крики болельщиков. Этот дух юности был таким концентрированным, что даже немного разгонял тучи сомнений, нависшие над школой.

— О чем именно вы хотели рассказать? — спросил Мин Хань.

Цзян Лоцин сжал перила так, что на руках проступили вены. Казалось, он борется с собой.

— Я... я всегда знал о ситуации в семье Лю и о том, в каком положении она находится. Но до того момента, как передал её учителю Чжан, я предпочитал закрывать на это глаза. — Цзян глубоко нахмурился. — Я думал, что поступаю правильно. Тем более я мужчина, а она — ученица, мне не стоило лезть слишком глубоко. Но теперь, когда она пропала, я не могу перестать думать: возможно, если бы я вмешался раньше, всё было бы иначе.

— Вы сказали, что знали о ситуации. Так что там на самом деле? И что за положение у Лю Вэньжань?

Цзян Лоцин достал сигареты и зажигалку:

— Офицер Мин, вы не против?

Мин Хань жестом разрешил.

Учитель затянулся, и это, кажется, его немного успокоило — вены на руках по крайней мере перестали пульсировать.

— Раньше я никогда не был классным руководителем, 13-й класс был моим первым выпуском.

Как и все новички, я хотел вникать в каждую мелочь, знать всё о каждом ребенке. Это было... чересчур.

Просматривая анкетные данные, Цзян выделил десяток учеников, нуждающихся в особом внимании. Лю Вэньжань была среди них. В списке оказывались либо дети из неполных семей, либо те, у кого было туго с деньгами. У Лю Вэньжань сошлись оба фактора. Однако в отличие от других бедных детей, у неё не было зажатости или комплексов.

Она активно участвовала в жизни класса, с энтузиазмом презентовала себя на выборах старосты. Многие девочки дружили с ней, а мальчики втайне её обсуждали. Цзяна удивило другое: она отлично вписалась в компанию Чжоу Си и часто гуляла с ними.

Учитель пояснил: дело не в его снобизме, просто у подростков есть свои законы — дети из семей с похожим достатком обычно тянутся друг к другу. У семьи Чжоу Си была своя компания, они жили в достатке, и остальные в группе им под стать. А Лю Вэньжань жила с безработной матерью в трущобах Синвэнь — настоящим дне в глазах жителей Чжуцюаня.

Какое-то время он даже подозревал, что Чжоу Си и компания её обижают. Таких случаев полно: богатым девочкам нужна свита, которая будет им прислуживать и льстить. Но понаблюдав, он понял: никто её не травит, дружба была искренней.

Тогда он решил, что Лю Вэньжань просто от природы очень открытая, а Чжоу Си и остальные — по-детски добры. К тому же школьная форма работала защитным слоем, не выдавая бедности.

В первом семестре десятого класса было много мероприятий. Успехи Лю Вэньжань успокоили учителя, и он отложил визит к ней домой на потом, решив сначала обойти семьи других проблемных учеников.

К декабрю Лю Вэньжань окончательно стала своей в классе. Даже в других параллелях заговорили о «богатой богине» из 13-го класса. Тут-то Цзян Лоцин и понял, что ситуация вышла из-под его контроля. Лю Вэньжань была красавицей, но к слову «богатая» не имела ни малейшего отношения. Он невольно ставил себя на её место: неужели ей не больно слышать это? Неужели она не чувствует в этом сарказм?

Подростки порой ранимы до предела — фраза, которая взрослому покажется пустяком, может загнать их в угол. Цзян боялся срыва и снова сосредоточился на девочке. К его изумлению, она не просто спокойно принимала имидж «богатой наследницы», но и сама прикладывала усилия, чтобы другие верили в её обеспеченность.

Цзян Лоцин, как и многие молодые педагоги, изучал основы психологии и чувствовал: эта внешняя нормальность Лю Вэньжань на самом деле ненормальна. Он корил себя за то, что затянул со знакомством с её матерью. В голову лезли страшные мысли — вдруг Лю Вэньжань крадет деньги из дома, чтобы поддерживать этот фасад?

Медлить было нельзя. Цзян решил немедленно ехать на Синвэнь.

Улица Синвэнь находилась совсем рядом с Десятой школой, но казалась иным миром. Цзян Лоцин был там всего один раз и с тех пор зарекся возвращаться. Даже сейчас, вспоминая ту поездку, он непроизвольно морщился.

— Люди там на таких, как я... на тех, кто явно не из их среды... как бы сказать... пялятся без стеснения. В их взглядах любопытство, жадность, желание что-то от тебя отхватить. И,

конечно, ненависть, — Цзян горько усмехнулся. — Я не богач, обычный учитель, даже на квартиру еще не накопил, но вся их ненависть к богатым проецировалась на меня.

Ему хотелось немедленно сбежать, но чувство долга взяло верх. Дверь дома Лю была заперта, никого не было. Соседка в пижаме и с всклокоченными волосами раздраженно бросила ему искать хозяйку в зале для маджонга.

В зале для маджонга он увидел мать Лю Вэньжань, Цао Вэньмэй: она сидела на коленях у лысого мужчины, который сыпал сальностями, а она, расплывшись в улыбке, перебирала кости. В помещении было хоть топор вешай от табачного дыма; для человека, который из стен университета сразу попал в школу, этот контраст был настолько сильным, что Цзян Лоцина едва не вырвало.

Спустя несколько конов Цао Вэньмэй встала передохнуть и только тогда заметила Цзян Лоцина. Подойдя к нему покачивающейся походкой, она спросила:

— Кого ищем? Не хочешь партейку?

Цзян Лоцин изо всех сил старался сохранять самообладание:

— Здравствуйте. Я классный руководитель Лю Вэньжань, моя фамилия Цзян. Я пришел... с домашним визитом.

При этих словах рука Цао Вэньмэй с зажатой в пальцах сигаретой замерла. На лице промелькнуло замешательство, она забегала глазами:

— А, учитель... Проходите, присаживайтесь.

Она отвела его в каморку, где стояла кровать, а на тумбочке лежали средства контрацепции — одного взгляда было достаточно, чтобы понять назначение этой комнаты.

Закрыв дверь, Цао Вэньмэй тоже заметила вещи на тумбочке:

— Ой, да это не моя комната, сюда кто угодно заходит. Просто вы же учитель, вдруг вам слух резануло бы то, что снаружи говорят? Что там с нашей Вэньжань? Она не говорила, что меня в школу вызывают. Если она что натворила, вы скажите, я ей задам трепку.

С тех пор как они вошли в эту комнату, у Цзян Лоцина бешено задергалось веко, а половина заготовленных слов вылетела из головы. Он знал, что семья живет небогато, но не ожидал, что её мать промышляет подобным сомнительным бизнесом.

— Я... в общем... — начал он. — Видите ли, у нас в параллели есть квоты на помощь малоимущим ученикам. Я пришел узнать, нужно ли это Лю Вэньжань. В вашей ситуации вы имеете на это право.

Глаза Цао Вэньмэй расширились:

— И сколько дают?

— По первой категории — больше шести тысяч в год. — Цзян Лоцин видел, как лицо женщины заметно посветлело. — Но Лю Вэньжань не подавала заявку. Если решите, что помощь нужна, заполните этот бланк и пусть дочь завтра мне его принесет.

Цао Вэньмэй просияла:

— Хорошо, хорошо! Как вернется, сразу заставлю заполнить!

Цзян Лоцин глубоко вдохнул и спросил:

— А кем вы работаете?

— Работаю? — Цао Вэньмэй принялась подкрашивать губы перед маленьким зеркальцем. — А что, чтобы пособие получать, работать надо?

— Нет, просто в рамках визита я хотел бы лучше узнать условия жизни ученицы.

— Да нет у меня работы. Присматриваю тут за залом, если людей не хватает — сажусь подменить.

— Понятно... — Цзян Лоцину не терпелось уйти, но он всё же спросил, чем занимается отец девочки.

Цао Вэньмэй мгновенно стала раздраженной:

— Эта тварь сдохла давно!

— Что?

Сначала Цзян Лоцин подумал, что это слова, сказанные в сердцах, но женщина пояснила: тот мужик был заядлым игроком, набрал долгов, а когда припекло — сбежал, бросив её с ребенком на руках. Лю Вэньжань была совсем крохой, когда он укатил в Юго-Восточную Азию. Ей потребовалось несколько лет каторжного труда, чтобы выплатить его долги.

Цзян Лоцин слушал в ужасе и спросил, почему не вмешалась полиция. Цао Вэньмэй лишь презрительно усмехнулась: как полиция достанет его за границей? Проще считать, что его нет на свете.

Чувствуя себя как на иголках, учитель еще раз напомнил про бланк и заверил, что в их случае помощь одобряют наверняка. Хозяйка радостно открыла дверь, чтобы его проводить. Но стоило им выйти в общий зал, как он замер: за тем самым столом, где только что сидела Цао Вэньмэй, в школьной форме играла в маджонг Лю Вэньжань, положив рюкзак на колени.

Реакция девочки была еще более бурной: она вскочил со стула так резко, что едва не перевернула стол. Партнеры по игре недовольно загалдели:

— Эй, играть будем или нет?

Лю Вэньжань смотрела на Цзян Лоцина с таким ужасом, будто увидела привидение. Учитель до сих пор не мог забыть это выражение её лица. Спустя мгновение она схватила рюкзак и выскочила вон под крики игроков. Цао Вэньмэй поспешила занять её место:

— Малая еще, не понимает ничего. Я с вами доиграю.

Испугавшись, что с девочкой что-то случится, Цзян Лоцин бросился следом. Он плохо знал улицу Синвэнь и думал, что поиски затянутся, но Лю Вэньжань ждала его в переулке неподалеку. Он подбежал к ней:

— Ты в порядке, Лю Вэньжань?

Глаза девочки были красными — в них смешались дикий испуг и глубокая обида. Вдруг она разрыдалась, застав его врасплох. Он порадовался, что прихватил с собой салфетки.

— Что случилось? Расскажи мне, я обязательно постараюсь тебе помочь!

— Учитель Цзян, зачем вы пришли? — прохрипела она сквозь слезы.

Он растерялся:

— Я... я пришел с домашним визитом.

— Вы ко всем так приходите?

— Э-э, нет, такие визиты носят адресный характер.

— Адресный — для таких нищих учеников, как я?

Цзян Лоцин увидел в её глазах упрямство, гнев, горечь и гордость одновременно — и вдруг не нашелся, что ответить. Да, его визиты были направлены именно на бедных и неблагополучных детей, и Лю Вэньжань подходила под оба критерия.

— Учитель Цзян, вы ведь всё видели, да? — Она немного успокоилась.

Спустя паузу он кивнул:

— Ты только что...

— Помогала им играть, за это можно получить немного денег. — Лю Вэньжань посмотрела на него с самоиронией. — Думали, я как мама, на колени к ним сажусь?

— ...

— Нет, до этого еще не дошло.

Цзян Лоцин не знал, что сказать.

— Теперь я знаю о твоей ситуации. Не волнуйся, школа тебе поможет.

Но Лю Вэньжань вдруг охватил новый приступ страха:

— О чем вы, учитель Цзян?

Тогда он рассказал, что отдал бланк на пособие Цао Вэньмэй. Слезы, которые только что высохли, снова покатались по щекам девочки. Она в муке опустила на корточки:

— Учитель Цзян, зачем вы это сделали? Вам доставляет удовольствие беречь чужие раны?

Он окончательно перестал что-либо понимать и тоже присел рядом с ней:

— О чем ты? Почему я должен этому радоваться?

— Вы думаете, я не знала про эти бланки? Знала! Но почему я не пошла их получать? — сквозь слезы воскликнула Лю Вэньжань. — Учитель Цзян, неужели вы не понимаете? У меня тоже есть достоинство! Я не хочу, чтобы одноклассники презирали меня из-за моей семьи!

Тут Цзян Лоцин вспомнил: списки тех, кому одобрили помощь, вывешиваются открыто, и на детей вешают ярлык «бедных». Но разве это так важно? Шесть тысяч юаней — это реальная помощь, а открытые списки нужны для прозрачности.

— Не будь так категорична, — мягко сказал он. — С этими деньгами тебе не пришлось бы подрабатывать в таких местах. У тебя было бы больше времени на школьную жизнь.

— Я не категорична! Я просто изо всех сил пытаюсь сохранить ту жизнь, которую хочу! Учитель Цзян, почему вы не понимаете? — Она становилась всё более эмоциональной. — Моя семья уже такая, какая есть. Почему я еще и в школе должна ходить с клеймом бедноты? Моя мать — шлюха, отец сбежал — разве это моя вина? Я хочу заводить друзей в школе как нормальный человек, разве я не имею на это права?

Цзян Лоцин молча смотрел на бьющуюся в истерике девочку. В школе она никогда не была такой: всегда уверенная, подтянутая, настоящая «богиня» в глазах сверстников.

В этот момент он подумал, что, возможно, совершил ошибку. Образ «богини» в школе был для Лю Вэньжань своего рода компенсацией за её несчастья. Он не прошел через те страдания, что выпали ей; он был мужчиной, как он мог до конца прочувствовать её состояние?

— Учитель Цзян, я умоляю вас, не рассказывайте никому о том, что видели сегодня. — Лю Вэньжань не могла перестать плакать, будто её мир рухнул. — То, что происходит у меня дома, никак не связано с тем, как я веду себя в школе. Я просто хочу нормально проучиться эти три года. Я не хочу, чтобы ко мне относились как-то по-особенному.

Прошло немало времени, прежде чем Цзян Лоцин ответил:

— Я понял.

Перед уходом он всё же не выдержал и напутствовал:

— С этим маджонгом... будь осторожнее. Знай меру, не стань как твоя мать... — Ему стало неловко за невольную грубость, и он не договорил.

Лю Вэньжань пообещала, что не сделает ничего предосудительного.

После того дня Цзян Лоцин остыл и понял, что получил один из важнейших уроков на посту классного руководителя. Лю Вэньжань так и не сдала заполненный бланк; он не знал, была ли у неё ссора с матерью по этому поводу. Какое-то время его мучило чувство вины за бездействие, но видя, что Лю Вэньжань остается такой же жизнерадостной, как прежде, он решил, что, возможно, поступил правильно — как учитель-мужчина, он защитил хрупкое достоинство девочки-подростка.

Этим летом его работа с 13-м классом завершилась. Ученики очень не хотели его отпускать, многие дарили памятные подарки. Он протянул Мин Ханю листок бумаги:

— Это записка от Лю Вэньжань. В последнее время я часто думаю: достоин ли я её благодарности?

Мин Хань взял листок. Там было написано: «Учитель Цзян, спасибо вам за то, что позволили мне сохранить моё притворное достоинство».

— Вы ведь знали, что Лю Вэньжань давала деньги одноклассникам в долг? — спросил Мин

Хань.

Цзян Лоцин кивнул:

— Сначала я тоже гадал, откуда у неё средства, но, видимо, это те самые деньги, что она заработала на маджонге.

— Она все эти два года продолжала там играть?

— Я не уверен, но учитывая ситуацию в семье, без подработки она не смогла бы достать такую сумму.

Мин Хань немного помолчал, подбирая слова для деликатного вопроса:

— Вы ведь догадываетесь, чем еще могла промышлять Цао Вэньмэй, помимо игр в маджонг?

Цзян Лоцин смущенно кивнул.

— В таком случае, есть ли вероятность, что Лю Вэньжань под влиянием матери тоже...

— Исключено! — лицо Цзян Лоцина стало предельно серьезным. — Офицер Мин, не стоит строить такие предположения. Лю Вэньжань — прежде всего ученица.

— До меня дошли определенные слухи, поэтому я обязан проверить их у вас, — пояснил Мин Хань.

— Кто распускает эту чушь? — рассердился Цзян Лоцин. — Опять эти люди с улицы Синвэнь?

Мин Хань не ответил, а учитель продолжал сам:

— Наверняка они! Те, кто сидит в грязи, терпеть не могут чужой успех. Да, Лю Вэньжань притворялась «богатой наследницей», но если знать её семью, это легко понять. Она просто хотела выбраться оттуда, стать лучше. Но всегда найдутся те, кто не переносит выдающихся девушек: они будут клеветать и уничтожать её ради собственного удовольствия.

Выводы Цзян Лоцина были резковаты, но Мин Хань знал: человеческая натура зачастую именно такова.

— Значит, по-вашему, Лю Вэньжань не могла пойти по стопам матери?

— Да! Это абсолютно исключено!

Мин Хань упомянул кафе «Остров мечты». Цзян Лоцин на мгновение задумался, а потом вспомнил, что многие девочки любили покупать там напитки. Лю Вэньжань даже угощала его; когда он попросил её не тратиться на него, она сияла и говорила, что это её честно заработанные деньги.

За последние два года, помня её истерику в переулке, он подсознательно избегал вопросов о её семье, поэтому знал лишь это. Сейчас чувство раскаяния буквально захлестнуло его.

— Я боюсь, что объявились люди, связанные с её отцом. Мать наверняка что-то знает, поэтому и не идет в школу. — Цзян Лоцин снова закурил, словно пытаясь развеять боль. — Я виноват перед ней.

Забрав записку Лю Вэньжань, Мин Хань ушел. Пока он приводил мысли в порядок, собираясь связаться с Чэнь Чжэном, позвонили из технического отдела. Записей за тот день так и не нашли, но при повторном изучении уцелевших материалов обнаружили студента, чье поведение показалось странным.

Это был Лю Оу, ученик 2-го экспериментального класса.

<http://bllate.org/book/17170/1618879>